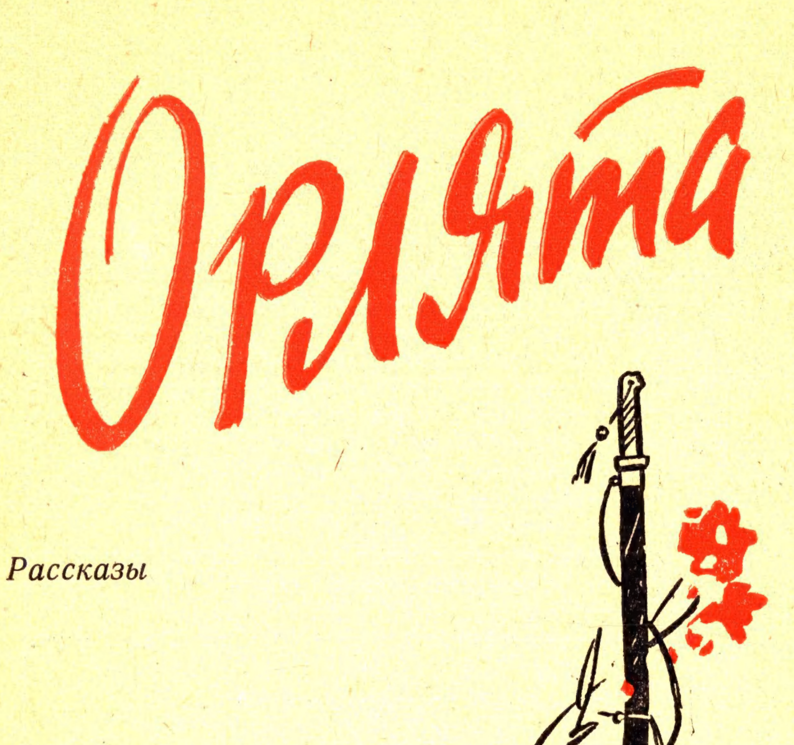
А. С. СТАРОСТИН

Орлята

А. С. Старостин

И. Г.

Орлята

Рассказы

Средне-Уральское Книжное Издательство,
Свердловск, 1967

Автор этих рассказов — *Александр Семенович Старостин* — родился в 1895 году на Волге. Когда началась империалистическая война, был призван во флот и направлен в Балтийский гвардейский экипаж. В годы гражданской войны Александр Семенович в рядах Красной гвардии, а затем Красной Армии сражался с врагами молодой Советской республики. После гражданской войны работал в железнодорожных мастерских, затем поехал в деревню, чтобы помочь трудовому крестьянству в организации колхозов.

Сейчас Александр Семенович — пенсионер, живет в Челябинской области.

Для книги он взял эпизоды, связанные с началом гражданской войны на Урале. Герои тех далеких событий — люди невымышленные.

Рассказы записал и литературно обработал *С. А. Захаров.*

Для среднего школьного возраста

Второе издание

7—6—2
108—67

Начальник Центрального штаба

В сентябре 1917 года матросы гвардейского экипажа, в котором служил я, по приказу Временного правительства охраняли склады военного министерства. С начальством, бывшими царскими офицерами, мы не ладили.

Однажды ночью поднялась тревога. Дежурный прапорщик обнаружил на дверях самого дальнего оружейного склада сбитые замки, а склад — пустым. Видимо, винтовки и патроны были переправлены через лазейку в заборе. Хотя виновников найти не удалось, начальник складов, маленький, пузатый, с тоненьким голоском подполковник, прозванный нами Пузырем, заподозрил в этом матросов. Правду сказать, он не ошибся. Мой друг Андрей Ильич Балабин договорился заранее с одним из районных штабов Красной гвардии, выбрал ночь по-

темнее... и революционные рабочие Петрограда пополнили свои запасы оружия.

Пузырь стал усиленно добиваться, чтобы Балабина и меня арестовали. Мы попросили у председателя гарнизонного комитета защиты. Он посоветовал нам на время уехать в отпуск куда-нибудь подальше, чтобы не поднимать лишнего шума, и заготовил соответствующие документы.

— Поедем, браток, на Урал, в Екатеринбург?— предложил мне Андрей Ильич.— Там у меня дядя.

Особенно долго размышлять не приходилось: я тут же согласился, и через несколько дней мы с деревянными сундучками в руках спускались по ступенькам Екатеринбургского вокзала.

Хмурый старик извозчик с рыжей бородой молча повез нас по улицам незнакомого города. Наконец пролетка остановилась у маленького домика. «Улица Водочная» [1] — прочитал я на покосившемся деревянном заборе.

Дядя Андрея Ильича, пожилой железнодорожник, встретил нас приветливо.

— Живите, живите,— сказал он, узнав о цели нашего приезда,— там, может, и мир с немцами заключат, по домам все пойдут, так у нас кумекают,— и он тяжело вздохнул.

— Места в доме хватит! — согласилась его жена.— Только какую же вам кровать-то подобрать? Сундуки, может, поставить. Вон вы оба какие громадины!

— Ничего, и на этой кровати поспим,— шутил Андрей Ильич.— Ноги не будем вытягивать!

После обеда, приведя себя в порядок, мы отправились осматривать Екатеринбург.

Погода была теплая. Осеннее солнце медленно опускалось. Дул приятный ветерок. Настроение у нас было хорошее.

В центре города, на плотине,— садик. Вправо от него — пруд, влево — неширокая мощенная булыжником дорога. В садике довольно много гуляющих. Все скамейки заняты. Мы

---

[1] Теперь улица Мамина-Сибиряка в Свердловске.

остановились у чугунной решетки, чтобы посмотреть на пруд. Вокруг нас постепенно стал собираться народ, разглядывали нашу морскую форму и гвардейские оранжевые ленты на бескозырках. Подошло несколько солдат местного гарнизона. Сначала мы перебрасывались с ними шутками, потом у нас завязался обычный для того времени разговор о войне, о земле, о мире, о министрах Временного правительства, о Петрограде, о мятеже генерала Корнилова.

Вдруг сквозь толпу к нам протолкался парень лет двадцати, с жидкими волосами, торчащими из-под бескозырки, в новеньком, но замызганном бушлате. На ленте бескозырки было написано «Береговая служба». Парень схватил меня и Балабина за руки и затрещал, как сорока:

— Здорово живешь! Будем знакомы! Меня вся Европа знает! Вся вселенная во мне! Зачем сюда пожаловали? А я, друзья-морячки, болен, у отца в дрейфе загораю. Кронштадт знаете? Так я там служил телеграфистом...

Новый «знакомый» увязался за нами и без умолку продолжал болтать всякий вздор. Наконец он до того надоел нам, что мы постарались от него отвязаться.

— Проклятый попугай! — ворчал Балабин. — И откуда только он взялся, этот Ванечка? Сверчок какой-то, а не матрос!

На следующий вечер, гуляя по Главному проспекту, мы снова завернули на плотину. Но как только уселись отдохнуть на свободную скамейку, так, словно из-под земли, перед нами вырос вчерашний «кронштадтский» телеграфист. Балабин холодно поздоровался с ним и нахмурился. Однако Ванечка, захихикав, бесцеремонно развалился рядом с ним и начал рассказывать дурацкие анекдоты.

Андрей Ильич не утерпел и посоветовал:

— Послушай, герой! Топай подальше.

В это время мимо проходили две девушки. Ванечка остановил их и назойливо стал приглашать посидеть с нами.

— Присядьте, не стесняйтесь! — говорил он, изгибаясь, как балаганный шут.— Знакомьтесь! Это мой папаша! — и он кар-

тинным жестом указал на меня.— А это,— кивок в сторону Балабина,— моя добрая старая няня!

Эти слова вывели Андрея Ильича из себя. Он вскочил со скамьи и широкой ладонью дал такую затрещину Ванечке, что тот, ломая чахлую акацию, отлетел в сторону и растянулся на траве. Девушки испуганно ахнули и торопливо скрылись. Балабин кинулся к Ванечке.

— Это тебе за «добрую старую няню», за «папашу» еще добавлю!

Но Ванечка быстро вскочил на ноги и, перепрыгнув через низкую ограду, бросился бежать.

Андрей Ильич вернулся на скамейку и из-под нависших бровей строго посмотрел на меня. Я чуть не расхохотался, но, взглянув на друга, сдержался.

Минут пять мы сидели молча. Наконец Балабин процедил сквозь зубы:

— «Добрая няня!» Я тебе дам и «добрую няню» и «папашу»! Покажи еще раз форштевень!

Но Ванечка уже показывал свой «форштевень». Он вернулся и, стоя за оградой, жалобно просил:

— Отдайте бескозырку! Это не старый режим, чтобы драться!

Бескозырка валялась на траве.

Я поднялся, подобрал ее и подошел к ограде. У Ванечки на лбу, видимо от страха, выступил пот, который он вытирал грязным ситцевым платком. Взяв бескозырку, Ванечка отряхнул ее и сердито произнес:

— Сейчас заявлю на вас!

— А кто виноват? Не оскорбляй! — ответил я.

Едва я сделал шаг назад, как Ванечка крикнул:

— Битюги! — и, прыгнув по-заячьи, побежал, не оглядываясь.

— Удрал Ванечка,— сказал Балабин, когда я вернулся.— Прыткий он и на язык и на ноги...

Я рассмеялся. Балабин посмотрел на меня и тоже рассмеялся:

— Хвастун он, этот Ванечка! Какой он моряк, когда, поди, и настоящей волны не знает...

Мы уже собирались пойти домой, как вдруг к нам быстрыми шагами подошел еще один матрос. На ленте его бескозырки золотом горели буквы «Заря свободы». Этот военный корабль был мне знаком. До Февральской революции он назывался «Александр II».

Матрос поздоровался с нами. Мы подвинулись, пригласили присесть.

Но, прежде чем сесть, матрос строго посмотрел на нас светло-серыми глазами:

— Вы недавно в Екатеринбурге?

Андрей Ильич ответил.

— А кто из вас ударил больного матроса?

— Ударил я! — буркнул Балабин.

«Ну, сейчас Ванечка соберет всех «матросов», какие найдутся в этом сухопутном городе... и начнется свалка», — пронеслось у меня в голове.

Наверное, то же самое подумал и Андрей Ильич. Он смерил белокурого незнакомца, который приходился ему до плеча, взглядом, не предвещающим ничего хорошего. Но тот выдержал этот взгляд и спокойно проговорил:

— Сейчас меня встретил этот матрос и заявил, что вы, гвардейцы, пьяные и хулиганите... Из такой мухи здесь могут сделать слона. Он сын местного чиновника, и их компания пустит слух...

Балабин рассказал, как все произошло.

— Все-таки, — посоветовал матрос с «Зари свободы»,— будьте, товарищи, осторожными и не ввязывайтесь в подобные истории... А сами как попали на Урал?

Мы насторожились: простое ли это любопытство или за ним скрывается что-то большее?

— В отпуск приехали! — отрезал Балабин.

— Документы имеете?

— А кто ты такой? — снова огрызнулся Андрей Ильич.— Мы же твои документы не спрашиваем?

— Я здесь тоже недавно,— ответил матрос,— моя фамилия Хохряков.

— А моя — Балабин! Нашел чем хвастаться. Вот я знал матроса, так у него фамилия поинтересней твоей: Каторгин...

— Каторгин? Семен?! — воскликнул Хохряков.

— Семен...

— Да я же его знаю! Он еще за антивоенные листовки в кронштадтскую тюрьму угодил...

В этот вечер мы долго сидели на плотине.

Как я узнал потом, наш новый знакомый, Павел Хохряков, был направлен в Екатеринбург ЦК большевистской партии (по рекомендации Якова Михайловича Свердлова) для агитационной работы и для помощи в создании Красной гвардии.

Хохряков внимательно выслушал наш рассказ о том, почему мы приехали в Екатеринбург, и предложил:

— Завтра на Верх-Исетском заводе митинг. Хорошо было бы и вам выступить, рассказать о заговоре генерала Корнилова, о настроении петроградских рабочих и петроградского гарнизона.

Мы с Балабиным смутились: нам еще ни разу не приходилось бывать ораторами.

— Ничего! — успокоил матрос.— Важно начать, а потом и пойдет само по себе. Наше право на власть! И мы ее возьмем...

— А башковитый этот паренек, Хохряков,— сказал Андрей Ильич, когда мы укладывались спать.— Зря ничего не скажет,— и тут же добавил с усмешкой: — А Ванечка — шаркун! Пустой он человек! Симулянт он, а не больной.

Видимо, Ванечка здорово разозлил моего друга.

Утром Балабин, положив перед собой тетрадь и газету «Правда», привезенную из Петрограда, что-то писал, зачеркивал и снова писал.

— Когда запишешь, — пояснил он мне, — запоминается лучше. А про Ленина правду сказал Павел. У Владимира Ильича все предусмотрено, на любую неясность ответ есть. Вот смотри! — и он раскрыл тетрадь с выписками из «Апрельских тезисов».

На Верх-Исетский завод мы попали задолго до конца смены. Осмотрели рабочий поселок. У заводского магазина нас окружили женщины. Посыпались вопросы, а затем шутки. Степенный Андрей Ильич крутил свой черный ус, краснел и отмахивался.

Заслышав гудок, мы отправились на территорию завода. Павел Хохряков уже был там.

Он улыбнулся и поздоровался с нами, как со старыми друзьями, познакомил с одним товарищем, Яковом Юровским.

— Вот и пополнение к нам пришло,— сказал Юровский и шутя продекламировал: «Гвардейцы черноусые, и все как на подбор! — и, показывая на Павла, добавил:— А с ними дядька Черномор!».

Митинг открыл Хохряков. Его вступительное слово несколько раз прерывалось гулом одобрения и аплодисментами.

Помню, он говорил:

— Общий лозунг солдат, матросов и всего рабочего класса — как можно скорее кончать войну! Товарищи, солдаты с позиций и матросы Балтийского флота поручили мне спросить у всех, кто кричит о войне до победного конца, какую награду получат те, у кого убили любимого сына, мужа, брата, отца. Скажите, есть ли награда, которая заменила бы им горячо любимых людей? Так не кричите же, наглые буржуи, о войне до конца, о войне до победы!

Вторым выступал эсер [1], но рабочие не дали ему говорить; когда он заявил, что пролитая кровь русских солдат в Польше, в Галиции обязывает всех патриотов добивать врага, его освистали и стащили с трибуны.

К моему удивлению, на место эсера поднялся Андрей Ильич.

— Слово предоставляется матросу-гвардейцу Балабину!— объявил Хохряков.

Речь свою Андрей Ильич начал не спеша. Он рассказал о

---

[1] Эсеры (социалисты-революционеры) — мелкобуржуазная партия в России. Вела активную борьбу против Советской власти.

корниловском мятеже, в подавлении которого мы недавно принимали участие.

— Но не удалось генералу Лаврентию Корнилову задушить рабочий класс России, не удалось! — Андрей Ильич протянул вперед руку и сжал ее в кулак.— А мы всех корниловцев сбросим в помойную яму! Вот! Долой войну! Долой Временное правительство! Да здравствует Ленин!

После митинга Хохрякова, Балабина и меня окружили рабочие.

— Спасибо, товарищи моряки! — говорили они.— Знайте, что мы тоже не сдадим своих позиций врагам революции.

А через день мы с Хохряковым поехали на Арамильский завод, находящийся в двадцати четырех верстах от Екатеринбурга. Здесь на митинге рискнул выступить и я.

Вечером мы возвращались обратно.

— Знаешь,— сказал Павел,— а у тебя хорошо получилось. Я первый раз куда хуже говорил.

Показался Нижне-Исетск.

Несмотря на поздний час, на улицах слышались песни, раздавались звуки гармошки.

— Играешь на гармони? — спросил Хохряков и, получив утвердительный ответ, добавил:— Здесь, на Урале, народ веселый живет. А у нас, на моей родине, в Вятской губернии, мало веселья. Бедно там, очень бедно.

Ночевали мы все у дяди Балабина.

Тетка Андрея Ильича напоила нас чаем и уложила спать.

Андрей Ильич устроился на полу. Сначала он лежал молча, а затем не вытерпел и спросил Павла:

— Значит, гвардейцы в ораторы годные?

— Вполне! — ответил тот.

В конце сентября Хохряков направил нас по заводам помогать в организации красногвардейских отрядов. Андрея Ильича — в Нижний Тагил, Кушву, Верхотурье, меня — в Кыштым и Уфалей. В Уфалее от товарищей я узнал, что Павла назначили начальником Екатеринбургского Центрального штаба Красной гвардии.

Когда мы вернулись (это было уже после 25 октября), то застали в городе группу матросов и артиллеристов береговых батарей, присланных с Балтики на подмогу уральским рабочим. Среди прибывших был и наш старый друг Семен Каторгин.

— Значит, братва, опять вместе, — радостно сказал он после объятий и поцелуев.

Андрей Ильич что-то неопределенно хмыкнул.

— Чего, чего? — набросился на него Каторгин.

— А как быть с гвардейским экипажем? — спросил я.— Нас же ждут в Петрограде.

— В Петрограде, друзья, нашего брата и без вас хватит,— сказал подошедший в это время Павел.— Оставайтесь здесь. На Урале вы сейчас, пожалуй, нужнее... В личный состав матросского отряда я уже включил и того и другого. Возражений нет?

Мы с Балабиным, переглянувшись, кивнули в знак согласия.

— Замечательно! — хлопнул меня по плечу Хохряков.

Начались боевые дни. В городе было неспокойно.

Местная буржуазия, заводчики, торговцы, домовладельцы, никак не могли смириться с тем, что власть перешла к народу. Саботировали[1] государственные служащие, шевелились бандитские шайки.

Штаб работал круглые сутки.

Однажды ночью Хохряков решил проверить документы у всех остановившихся в гостинице «Пале-Рояль». На втором этаже в комнате, освещенной ярким электрическим светом, спал мужчина. Хохряков принялся будить его. Тот быстро вскочил с постели и, протирая глаза, спросил:

— Что такое? Что нужно? Вы кто?

— Начальник Центрального штаба Красной гвардии города Екатеринбурга...

— А, Хохряков! Очень, очень приятно! Ну, что ж, будем

---

[1] Саботировать — злостно, преднамеренно срывать работу, делая вид, что выполняешь ее.

знакомы,— медленно проговорил человек и, выхватив из-под подушки пистолет, выстрелил. Хохряков отклонился — пуля врезалась в стену.

Матросы обезоружили незнакомца и прихватили с собой.

Утром в Центральный штаб Красной гвардии явились двое, вооруженные с ног до головы. Они потребовали немедленно освободить арестованного.

— Понятно,— сказал Хохряков.— Все понятно. Вы что же, его единомышленники?

— Слушай, Хохряков,— нагло заявил один из пришедших.— Он, как и мы, член партии анархистов! Мы тебе еще припомним насилие над нашей партией и над нашими личностями. Весь Екатеринбург перевернем!

— Если вы будете терроризировать население и не признаете Советскую власть,— спокойно ответил Хохряков,— мы примем меры. Так и передайте вашей партии...

На другой день в Коммерческое собрание[1] ворвались с пулеметами анархисты, отобрали деньги у посетителей, всех разогнали, разгромили буфет. Наш красногвардейский патруль бегом отправился на место происшествия. Приехал Хохряков. Выслушав рапорт от старшего патруля, направился к Коммерческому собранию.

— Не подходи,— кричали ему красногвардейцы.— Кого-кого, а тебя не пощадят! Дадут по тебе очередь!

— Побоятся,— засмеялся Хохряков.— Вы же подходили— ничего.

Увидев Хохрякова, анархисты закричали:

— Долой современных узурпаторов, долой большевиков! Да здравствует анархия!

— Мы их сейчас всех отрезвим,— шепнул Хохряков спутнику и, приказав красногвардейцам усилить наблюдение, направился через дорогу к почте.

Старший патруля схватил его за рукав бушлата:

---

[1] Коммерческое собрание — клуб, существовавший и в первые дни Советской власти. В нем собирались состоятельные люди Екатеринбурга. Сейчас на этом месте находится кинотеатр «Совкино» и театр музыкальной комедии.

— Пойдемте за угол. Непременно в спину пальнут!

— Не пальнут! А если показать, что мы боимся, тогда обязательно пальнут...

— Вспотел я, братцы,— рассказывал нам позднее старший патруля,— хотя на улице и морозно было, когда Павел Данилович пошел и даже не оглянулся. Выхватил я гранату, отошел немножко в сторону с тротуара, за мной еще двое наших с винтовками... Смотрим на окна. Случись что, брошу гранату туда — и точка! А сзади мне шепчут: «Хохряков уже далеко!» Оглянулся я, а Павел Данилович по ступенькам почты [1] поднимается. Сразу на душе легче стало... Вот смелый человек!

В то время я с патрулем красногвардейцев проверял документы на перроне Екатеринбургского вокзала. Неожиданно меня вызвали к телефону в дежурную комнату.

Слышу голос Хохрякова:

— Прихвати с ребятами парочку пулеметов, садитесь на извозчиков — и к Коммерческому собранию.

Я не стал расспрашивать: без слов было понятно, что на Главном проспекте орудует какая-то банда.

Когда мы везли «максимы», над городом надрывались заводские и паровозные гудки, поднимая по тревоге отряды Красной гвардии.

На углу, недалеко от кино «Колизей» [2], меня встретил Хохряков и указал, куда поставить пулеметы.

Он выглядел спокойным, даже веселым, но был бледен.

— Наша задача,— сказал Хохряков,— не потерять ни одного красногвардейца. Для устрашения этих бандитов сейчас из артдивизиона доставят орудие. Стрелять из него, конечно, не будем, только попугаем их, а из пулеметов, возможно, придется...

Мы пошли на почту. На перекрестке Главного и Вознесенского [3] проспектов находились красногвардейцы Верх-Исетского завода.

---

[1] Сейчас на этом месте выстроен новый дом.
[2] Теперь кинотеатр «Октябрь».
[3] Теперь угол проспекта Ленина и улицы К. Либкнехта.

Хохряков перекинулся несколькими словами с их начальником Петром Захаровичем Ермаковым [1].

Почта была пуста. Только один старичок почтальон сидел в углу и рылся в бумагах.

— Все почтовые крысы разбежались! —увидев нас, сказал Семен Каторгин. Он сидел на подоконнике и с кем-то говорил по телефону. Поздоровавшись с Хохряковым, Семен произнес в трубку:

— Эй, ты! Позови-ка своего главаря! Хохряков требует... Да, да! Он...

Хохряков взял из рук Каторгина трубку, поправил бескозырку и сказал:

— Я начальник Центрального штаба Красной гвардии Хохряков! От имени Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов приказываю сложить оружие, оставить его в помещении и выйти на улицу через парадную дверь! Даем двадцать минут сроку. Сопротивление бесполезно. Иначе откроем орудийный огонь!..

И повесил трубку.

Сев за стол, он быстро набросал план участка Главного проспекта и прилегающих к нему улиц, выделил Коммерческое собрание, наметил зону обстрела, расставив пулеметные точки. Спросил:

— Так, что ли? Может быть, пореже? Не шесть пулеметов, а четыре,— распорядился: — Сигнал к началу огня — выстрел с крыльца почты... Красногвардейцев отвести в укрытия... Вызови-ка, Семен, еще этих типов! — попросил Каторгина. — Напомни им от моего имени о сроке.

Пока мы с ним ходили давать задание пулеметчикам, Каторгин позвонил анархистам.

— Павел, тебя ждут,— передал он трубку Хохрякову, когда мы вернулись.

— Да, это я!.. Сопротивление ваше бесполезно... Повторяю: через десять минут открываем огонь!

---

[1] Один из организаторов боевых дружин в революции 1905 года на Урале. Потом видный революционер-подпольщик.

Я посмотрел на большие стенные часы, помещенные в стеклянный футляр из красного дерева. Их стрелки отсчитывали последние минуты пребывания анархистской банды в Коммерческом собрании.

— Пошли! — скомандовал Хохряков.

Мы вышли на улицу. Из окон Коммерческого собрания на нас грозно смотрели пулеметы анархистов.

Хохряков уже хотел подать сигнал к обстрелу, как вдруг в одном из окон показалась палка, на конце которой развевалась белая тряпка.

— Сдаются!

Хохряков кинулся бегом через улицу, на ходу вынимая из кобуры наган. За ним устремились красногвардейцы.

Поспешили и мы с Каторгиным.

Обе половины дверей распахнулись перед нами. По лестнице мы поднялись в большой зал. Там, у стола, стояли те двое, что приходили в Центральный штаб Красной гвардии и требовали выдачи арестованного. Это были главари. Другие анархисты пугливо жались к стенкам и опасливо смотрели на нас.

Хохряков спокойно приказал:

— Оружие на стол!

Анархисты сдали оружие и с поднятыми руками выстроились в одну шеренгу.

Хохряков сам записал их фамилии.

Откуда-то сверху послышался бас Балабина. Я поднялся по лестнице и увидел Андрея Ильича. Он, очень довольный, держал за шиворот бледного, растрепанного... Ванечку и рассказывал Каторгину:

— Пошел я, значит, искать, нет ли еще кого, а этот шалопай залез под диван и картиной загородился.

Я посмотрел на огромную картину в багетовой раме и не поверил, что ее мог снять со стены один человек. Наверное, анархисты хотели увезти картину и продать.

Эти мысли я высказал товарищам.

— Оказывается, он еще и грабитель! — усмехнулся Андрей Ильич.

— Испоганил матросский бушлат! Скидай его! — приказал Каторгин и под одобрительный возглас Андрея Ильича стащил с Ванечки бушлат.— В мешке, гад, в тюрьму пойдешь! И бескозырку снимай!

Балабин поднял с пола старый ковер и накинул на Ванечку.

— Очень хороша ряса! — сказал Каторгин.— За попа сойдешь!

В таком виде привели Ванечку на первый этаж.

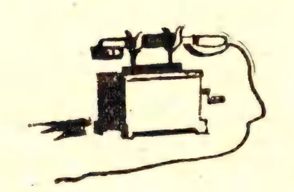
— Это что за комедиант? — спросил Хохряков.

— Художник! — объяснил Каторгин.— Картину малевал, маленько запачкался...

— Пристраивайте вашего художника! — засмеялся Хохряков и скомандовал: — На-пра-во! Шагом а-рш!

Анархисты под конвоем направились к дверям. Ванечка, шмыгая носом, поплелся за ними.

— Флаг-то, флаг-то забыли! — крикнул Каторгин и поднял черное знамя, на котором суриком было выведено: «Анархия — мать порядка!» Прочитал и добавил: — Анархия — мать... беспорядка!

Заговор офицеров

В начале декабря 1917 года из Оренбургских степей стали приходить тревожные вести: атаман Дутов поднимал казачество против молодой республики Советов.

Усиленные отряды Красной гвардии круглые сутки дежурили на Екатеринбургском вокзале, разоружая казачьи эшелоны. Казаки в полном боевом снаряжении разъезжались с распавшихся фронтов империалистической войны по своим станицам. В станицах же действовали дутовцы.

Как-то ранним морозным утром мы, матросы, возвращались с очередной вокзальной «вахты». С нами шел и Павел

Данилович Хохряков. Миновав завод Ятеса, мы стали подниматься в гору по Вознесенскому проспекту и наткнулись на человека, лежащего на тротуаре. Хохряков зажег спичку.

— Офицер, должно быть,— произнес он, увидев серую каракулевую папаху. Из-под правого бока раненого растекалась кровавая лужа, грудь тяжело подымалась.— Жив еще.

Пострадавшего надо было доставить в больницу. На наше счастье из ворот большого дома выехала подвода. Мы положили на нее офицера и поручили Сергею Дьячкову проводить его до больницы.

— Подожди! — сказал Хохряков, когда возница собирался тронуть лошадь.— Может, у него документы есть.

Осмотрели карманы, но, кроме письма, ничего не нашли. Подвода заскрипела полозьями по снежной мостовой.

В штабе мы прочитали письмо. Оно было адресовано девушке. В нем говорилось о какой-то «среде подлых людей», о каком-то «ужасном деле».

— Идем в больницу,— предложил Павел.

В палату нас не пустили. Врач, высокий седой старик, сообщил, что офицеру нанесены две опасные ножевые раны. Наказав Дьячкову дежурить, мы вернулись в штаб.

— Не нравится мне все это,— раздумывал Хохряков, еще раз прочитав письмо.— Кто же эти подлые люди, о которых пишет раненый? А может быть, пишет не он?

Часа через два явился Дьячков. Офицер пришел в себя и рассказал о тайной контрреволюционной организации, возникшей в Екатеринбурге. Она подготовляла восстание.

— Я записал фамилии и адреса, которые он назвал,— закончил Дьячков.

— Надо сообщить Захарычу,— сказал мне Хохряков, посмотрев адреса.— Он местный житель, может, кого знает.

Я соединился по телефону с Верх-Исетским заводом и попросил передать начальнику штаба четвертого района Красной гвардии Петру Захаровичу Ермакову, чтобы он срочно явился к нам в штаб.

Примерно через полчаса Ермаков был у нас.

Пробежав глазами списки, он проговорил:

— Все хорошо сделали, только забыли в больнице засаду оставить... Задерживать всех надо, кто раненого спросит. Раньше нас полиция так выслеживала, а мы у нее тоже кое-чему научились... Уверены вы, что офицер не проболтался о том, что дал нам адреса?

Хохряков тут же распорядился установить за больницей усиленное наблюдение, а Ермаков обещал к ночи прислать наряд красногвардейцев.

— Прочешем сразу все адреса,— сказал он.

После обеда Семен Каторгин привел какого-то подозрительного типа, который пытался проникнуть к раненому.

Начался допрос. Задержанный путался, пытался что-то говорить о дружеских чувствах к пострадавшему, но, когда Павел показал ему адреса, замолчал.

— Вы видите, нам все известно... Что можете добавить?

В сумерках пришли красногвардейцы Верх-Исетского завода. Комната наполнилась веселым шумом и смехом. Наш предусмотрительный начхоз Родион Фомич заранее попросил мадьяра Иштвана приготовить ужин для всех.

— Вы живете сытнее, чем мы,— сказал Петр Захарович.

— Коммуной держимся,— ответил я.— Деньги отчисляем в общий котел. Даже комиссию избрали, чтобы продукты покупать.

После ужина стали ждать приказа. Ермаковские ребята с завистью смотрели на могучего матроса гвардейского экипажа Фому Гуню.

— Вот так дядя! — говорили они.— Этот стеганет так стеганет...

В назначенное время, разделившись на несколько групп, мы отправились по различным районам. Мы, матросы, проверяли Тихвинскую улицу[1].

Один подозрительный дом находился недалеко от женского монастыря.

[1] Теперь улица имени Хохрякова.

На стук никто не отвечал, тогда Фома Гуня попробовал прочность двери плечом.

— Крепко? — спросил я.

— Та бис ее знае! Сейчас побачим.

Фома стал искать точку опоры, чтобы выдавить дверь, как вдруг женский голос спросил:

— Кто там?

— Красногвардейцы! Именем Советской республики откройте.

— Приходите утром.

— Ось як! — Фома с силой дернул за дверную ручку. Ручка моментально оторвалась.

— Не ломайте дверь! — раздался мужской голос.— Сейчас открою.

Мы вошли в темный коридор, освещенный огарком свечи. Человек, пустивший нас, был молод и, судя по накинутой на плечи добротной шинели, офицер.

— Что вам нужно? — спрашивал он, идя вслед за нами.

В большой комнате навстречу нам поднялся пожилой мужчина, запахивая полы халата.

— Товарищи матросы... Проходите, проходите...

— Кто здесь живет? — спросил я.

— Я... Служу в банке,— произнес человек в халате (у него дрожали руки). — Это моя жена, а это наш родственник, собственно говоря, брат жены, так сказать, воспитанник наш.

Молодой человек, сбросив с плеч офицерскую шинель, подошел к нам.

— Вы опередили меня,— сказал он.— Я должен был сам прийти к вам. Но я готов. Разрешите собраться?

Я оборвал его:

— Мы обязаны произвести обыск. Оружие имеется?

— Оружие я сдал такому же матросу, как и вы, когда ехал с фронта. Можете искать, но, заверяю вас, в доме нет того, чем вы интересуетесь. Я уже устал от всего. Кровь лить не хочу, довольно ее лилось на войне.

Кто-то назвал фамилию офицера, найденного нами утром.

— Это Володя! — воскликнул офицер.— Мой друг... как и я, прапорщик... Вместе учились в гимназии.

Он кратко рассказал, как их завербовали в контрреволюционную организацию офицеров-фронтовиков.

— Ваш друг тяжело ранен и находится в больнице,— сказал Семен Каторгин.

Прапорщика под конвоем отправили в штаб, а сами завернули на Сибирский проспект[1].

Там встретили Петра Захаровича с красногвардейцами и договорились о дальнейших действиях, решив сразу оцепить несколько домов.

В красивом особняке к нам вышла толстая испуганная хозяйка с молодой квартиранткой. Мужа квартирантки, офицера, дома не оказалось.

— Где он? — спросил я.

Петр Захарович толкнул меня в бок. Я догадался, что тот уже арестован.

Начали обыск. Забрав всю переписку, стали искать оружие. Толстая хозяйка принялась уверять нас, что ее квартиранты — люди вполне благонамеренные, ничего худого о них сказать нельзя.

— Ты, гражданка, не ручайся,— сказал Ермаков.— Вот если что найдем, то и тебя за твои слова не помилуем.

Со двора послышался голос:

— Петр Захарович! Сюда!

Под сараем лежало несколько винтовок и две бомбы.

Так мы «прочесали» ряд офицерских квартир и, усталые, но удовлетворенные, возвратились под утро в штаб.

Там уже был Хохряков. Он ходил по комнате и довольно потирал руки. Мы доложили о результатах ночной облавы.

— В мою сеть рыбешка покрупней попалась,— шутил он.— «Сазан» и «щука»! Сазан-то местный, а щука из Челябинска сухопутьем приплыла... Да что из Челябинска! Пожалуй, из самого Оренбурга.

---

[1] Теперь улица имени Куйбышева

В десять часов начались допросы. Первым вызвали прапорщика. Он подтвердил свои показания и дал еще ряд дополнительных сведений. Его решили отпустить.

— Мы считаем вас честным человеком,— сказал Хохряков,— надеемся, что вы оправдаете наше доверие.

Когда за прапорщиком закрылась дверь, Хохряков прошелся по комнате и произнес, ни к кому не обращаясь:

— Этот прапорщик наш попутчик, только идет пока стороной... Дальнейшее ему подскажет правду.

Дальше действительно «рыба» пошла покрупнее. Многие задержанные путались, пытались лгать, но, припертые к стене доказательствами, вынуждены были сознаться во всем. Наконец остались только «сазан» и «щука», арестованные Хохряковым. «Сазан», штабс-капитан артиллерии, плотный бородатый мужчина в серой толстовке, предупредительно заявил:

— Я могу отвечать только за себя, за других я не ответчик... Подставных и запутанных вами людей — не признаю! Вас же ненавижу и разговаривать поэтому не желаю!

— А мы вас, ваше благородие, тоже ненавидим, но разговаривать все же нам придется,— процедил сквозь зубы Каторгин.

— Но настаивать не будем,— добавил Хохряков.— Хотя себе вы сделаете хуже. Учтите, нам все известно...

В комнату ввели «сухопутную щуку». Это был казачий подъесаул, худощавый, среднего роста, в новой гимнастерке и желтых сапогах. Он кутался в облезлую шубу. Небольшие черные усики казались приклеенными на его побледневшей физиономии.

Хохряков указал ему на стул и сказал:

— Садитесь! Вы перед следственной комиссией.

Подъесаул сел, оглядел всех нас и, закинув нога на ногу, чтобы скрыть дрожь, развязно ответил:

— Какая это следственная комиссия? Тут почти одни матросы... Да, о вас я слышал! Вы, кажется, начальник так называемого Центрального штаба...

— Где проживали? — прервал Хохряков.

— В Челябинске.

— По какому делу приехали в Екатеринбург?

— Разрешите закурить? Если это вам так интересно,— он выпустил изо рта клуб дыма,— то отвечу. Приехал подыскать богатую невесту.

Мы не смогли удержаться от смеха.

— Смеетесь? — огорченно вздохнул подъесаул.— Где же вам понять. Мы, офицеры, в настоящее время, так сказать, не у дел. Мой собственный папаша на жизнь не дает ни гроша. Считает меня кутилой и игроком.

— Вы что же, по банку любите бить? — спросил Хохряков.

— Приходилось иногда, при хорошей карте.

— А сейчас на банк голову поставили? Рассчитывали выиграть, а карта-то оказалась битой... Отвечайте, сколько вам предложил денег за выигрыш атаман Дутов? — и Хохряков сверкнул стальным взглядом.

Подъесаул поспешно докурил папиросу.

Ермаков напомнил подъесаулу, как тот позавчера вечером в одном из домов Екатеринбурга выступал от имени Дутова и показывал всем присутствующим удостоверение, подтверждающее это полномочие. Ставя вопрос за вопросом, Ермаков выводил офицера на чистую воду. Подъесаул сдался и проговорил:

— А если я все расскажу, то вы меня в штаб Духонина, на небо, не отправите?

— Там видно будет,— ответил Ермаков.

В ту же ночь Хохряков с красногвардейцами отправился по адресу, который дал подъесаул. В одной из небольших улиц, прилегающих к Сенной площади[1], мы остановились.

— Кажется, здесь,— сказал Хохряков, оглядывая высокий дом на каменном фундаменте.— Только стучать надо осторожно, могут встретить пулей.

За ставнями блеснул свет.

— Кого надо? — спросил бас.

— Откройте! Здесь представители Советской власти.

---

[1] Сенная площадь — теперь парк имени Павлика Морозова.

Дверь открылась. Мы вошли в дом. Ничего подозрительного в глаза не бросалось.

— Нам нужны бумаги и касса тайного союза фронтовых офицеров,— сказал Хохряков.— Просим сдать добровольно. Если найдем мы, никакого смягчения не получите.

— У меня ничего нет,— проговорил хозяин,— ни о каком союзе я не знаю... Я честный человек, отец семейства...

— Мы имеем точные сведения,— отрезал Хохряков.— Ваше запирательство не поможет. Мы будем искать, пусть день, пусть два, но мы найдем... Начинайте обыск! А вы, гражданин, распишитесь в том, что у вас нет того, что мы требуем.

Хозяин изумленно пожал плечами, но расписался.

Между тем красногвардейцы осматривали дом, искали в столовой, на кухне, в спальнях, простукивали стены, заглядывали за рамы, на дворе при свете фонаря разбирали поленницу.

— Вы, папаша, отдайте бумажки-то,— говорил хозяину Сергей Дьячков, проверяя книжную полку. — На черта они вам нужны? Супружницу беспокоите с детками да и нас тоже. Все бы сейчас спали...

— Дьячков, занимайся делом! — приказал Хохряков.

— Есть заниматься делом! — ответил тот, но, когда начальник штаба ушел на кухню, снова обратился к хозяину:

— Человек вы пожилой, а зачем-то с этим союзом связались. Вот и имеете теперь неприятности. Жили бы и не тужили, чай крепкий пили, книгу бы хорошую читали про любовь или про какой-нибудь Карфаген...

— Дьячков! — позвал его из кухни Хохряков.— Скажи, Сергей,— спросил он, когда тот появился на пороге,— ты умеешь загадки разгадывать?

— Смотря какие.

— Вот отгадай такую: внизу дыра, вверху дыра, а в середине огонь да вода... Что это?

— Самовар. Но для чего ты о нем вспомнил?

— А посмотри внимательно... Нужен ли он в этом доме?

На кухонном столе красовался большой тульский самовар.

Дьячков хотел его проверить, но, встретив улыбающийся взгляд Павла, задумался и стал смотреть по сторонам. И вдруг, схватив в руки сковородник, сказал:

— Я, братки, почти любую работу знавал, только печи не ломал... Давайте-ка, попробую...

Все, кроме Хохрякова, с изумлением стали смотреть, как Дьячков с силой начал бить по печке сковородником. На пол полетели известка, глина, показалось отверстие для самоварной трубы. Там, за кирпичами, лежали бумажные свертки...

Когда вели арестованного, Дьячков огорченно сказал:

— А я, папаша, сшибся насчет вас: вы не любите чай пить, самовар-то, оказывается, лишь для форсу держите... Но ничего, мы для него большую отдушину сделали.

Найденные списки и документы помогли нам полностью раскрыть в Екатеринбурге контрреволюционный заговор офицеров. Но это было только началом той борьбы, которую нам пришлось вести не на жизнь, а на смерть с теми, кто мечтал вернуть старое.

Мадьяр Иштван

Красногвардеец мадьяр Иштван был высокого роста, с длинными, почти до колен руками. По-русски он говорил плохо и чуть ли не к каждой фразе добавлял полюбившееся ему присловье «шертушка». Под этим прозвищем Иштван и был известен в нашем отряде.

Правда, иногда его еще называли Иван Дыба. И вот почему: когда он сердился,— а с ним это случалось частенько,— то начинал приподыматься на носки, или, как говорили, на дыбы, и грозно смотрел на своего обидчика сверху вниз, стараясь схватить его за воротник. Но стоило противнику улыбнуться и протянуть грозному Ивану Дыбе в знак примирения руку, как тот мгновенно менялся: ласково обнимал недавнего врага и шутливо приговаривал:

— Карашо, шертушка. Но сердил ты меня, ошень сердил...

В ноябре 1917 года в Екатеринбург из Сибири прибыли

мадьяры, бывшие военнопленные. Их старший, которого, как мне помнится, звали что-то вроде Гера-Гера, выстроил своих солдат на перроне и, взяв руку под козырек, обратился ко мне, начальнику красногвардейского караула:

— Мы, венгерские рабочие и крестьяне, приехали в революционную Красную гвардию Урала и будем ей верно служить.

Вечером я направился в бывший магазин Второва (мы называли его Пассаж[1]), где размещался наш матросский отряд. В Пассаже оказались и мадьяры. С ними в это время беседовал Павел Хохряков.

Разговор шел о том, что вслед за русской революцией обязательно вспыхнет революция и в Германии, и в Венгрии, и в других странах.

С того дня, как в Пассаже поселились мы, матросы, он стал похож на военный корабль. Большой зал окрестили «кубриком» и расставили там железные кровати, аккуратно накрыв их матросскими одеялами. Дежурства у нас именовались «вахтами», кухня превратилась в «камбуз». Мадьяры, влившиеся по приказу Хохрякова в отряд, старались придерживаться наших правил.

Скоро на «камбуз» понадобился постоянный повар. На эту должность и определили Иштвана. С самого раннего утра до поздней ночи он был на ногах: чистил картошку, варил кашу, шумел, ругался, а когда на него находило хорошее настроение, садился на табурет и, вынув из кармана гребень и папиросную бумагу, начинал на этой самодельной губной гармошке играть. Или же просто насвистывал мадьярские песни и танцевальные мелодии, аккомпанируя себе двумя ложками по жестяному тазу, лежавшему на коленях.

Прервать такой «музыкальный номер» было невозможно. В котле выкипал суп, а каша начинала пригорать, но Иштван ни на что не обращал внимания, только вращал глазами.

Окончив концерт, «кок-музыкант» спрашивал:

---

[1] Теперь на этом месте построен Свердловский драматический театр.

— Карашо играл чардаш? А? — и сам же себе отвечал: — Замечательно, шертушка!

Раздавая пищу, Иштван строго следил, чтобы никто не получил лишней порции. Тому, кто пытался совершить подобную махинацию, грозил черпаком или ударял по лбу.

Матросы и мадьяры уважали своего «кока» за честность и, несмотря на довольно частые пригорелые каши и пересоленные супы, были им довольны. Но Иштван долго не собирался оставаться на такой почетной должности. Как-то он пришел в Центральный штаб Красной гвардии и сердито заявил Хохрякову:

— Начальник, мы кухня работать не хотим... Давай пулемет, вокзал пойду служить.

Иштван стал нести опасную службу: помогал разоружать казаков.

Через Екатеринбургский вокзал на восток и на запад следовали эшелоны с беженцами. Часто из этих эшелонов приходилось брать на свое попечение детей, чьи родители, не выдержав трудностей, умирали в пути.

Екатеринбургские детские дома в ту зиму были переполнены. Иштван предложил осиротевших детей отдавать в семьи рабочих-железнодорожников.

Пока дети были без пристанища, они ночевали в Пассаже. Нес вахту в этих случаях Иштван. Из него бы, пожалуй, получилась замечательная нянька: он кормил, поил детей, укладывал спать, давал концерты на знаменитой гребенке и ложках. Затем, когда детей устраивали в рабочие семьи, Иштван навещал их в свободное от дежурства время и никогда не забывал захватить с собой какой-нибудь гостинец.

Часто Иштван заходил в мою «каюту», садился на табурет и, раскуривая трубку с длинным мундштуком, терпеливо ждал, когда я прочитаю газету. Он подробно выспрашивал обо всех последних событиях, но особенно интересовался Петроградом, Германией и своей родиной. Как-то он спросил меня, сколько мадьяр находится сейчас в России. А когда я, в свою очередь, задал вопрос, для чего это ему нужно, Иштван, попыхивая трубкой, ответил:

— Хочу считать, сколько патрон надо готовить, чтобы ехать в Венгрию революцию делать, буржуев бить...

В ночь на 20 июля наш отряд выступил в район Западной Уральской железной дороги, чтобы оттуда прорваться в глубокий тыл белых. Под Екатеринбургом в эти дни шли горячие бои. Белые во что бы то ни стало стремились овладеть столицей Урала. Наш отряд должен был диверсионными действиями и партизанскими налетами тревожить противника.

С болью в сердце покидали мы Екатеринбург, который стал нам таким родным городом. Иштван с пулеметом находился на последней подводе и что-то тихонько наигрывал на своей губной гармошке.

Сколько лесных дорог пришлось нам исходить в то время, сколько испытать лишений и тревог, сколько похоронить боевых товарищей! В начале сентября мы укрывались в глухой сосновой чаще. Как-то из разведки вернулся начальник конной команды Семен Каторгин. Привязав к небольшой сосенке своего черного скакуна, он печально сказал:

— Плохо, братки! Ленина ранили! — и подал мне газету.

Нас окружили товарищи. Я начал читать вслух. Газета была белогвардейская. Захлебываясь от радостной злобы, она сообщала, что в Москве, на заводе Михельсона, неизвестная женщина револьверным выстрелом тяжело ранила нашего Владимира Ильича.

Несколько минут мы стояли молча, потрясенные известием. Затем раздались гневные голоса.

На таком бурном митинге мне больше никогда не приходилось присутствовать!

Поздно вечером я возвращался из штабной палатки. Под огромной сосной догорал костер. У костра, обхватив колени длинными руками, сидел Иштван. Друг его, мадьяр Ференц, играл на скрипке.

Увидев меня, Иштван быстро поднялся от костра и, протянув, как всегда, для пожатия руку, произнес:

— Ленин — вождь рабочий класс, крестьян и русска и мадьярска... Мы контру мстить должен...

На следующий день один из наших дозоров обнаружил колонну белых, медленно двигавшуюся по лесной дороге.

С криками «За Ленина!» дозорные открыли огонь. Белые развернулись в цепь и стали отвечать.

На помощь нашим прискакали кавалеристы Семена Каторгина. Они спешились, залегли за кустами, и началась жаркая перестрелка. Из цепи белых строчил пулемет. Пришлось и нам вызывать наших мадьяров-пулеметчиков. Противник отступил. Во время этой перестрелки никто из красногвардейцев не пострадал, все были целы. Не хватало только Иштвана.

— Неужели убит? — спросил я Каторгина.

Каторгин в ответ лишь развел руками...

В эту ночь я долго не мог уснуть. Все не верилось, что Иштвана больше нет. Забылся я только под утро. Меня разбудил знакомый веселый голос:

— Где начальник, шертушка?

Я мигом выскочил из шалаша и радостно бросился к Иштвану. Иштван явился с новеньким пулеметом.

— На брюхе шел за контрой пулемет взять — пусть у нас больше будет,— вместо приветствия сказал он.

Вскоре нам пришлось распрощаться с Иштваном и его товарищами. Они уехали в Венгрию, где начиналась революция, которую так ждал Иштван. Перед отъездом он долго молча тряс мою руку. Мы понимали друг друга без слов. Когда телеги, на которых сидели мадьяры, стали спускаться с небольшого холма, Иштван крикнул:

— Ленин, Россия, Венгрия!..

Около сорока девяти лет прошло с того дня, как я расстался с Иштваном. Жив ли ты сейчас, мой старый друг боевой юности? Если жив, откликнись!

Комиссар Толмачев[1]

С членом Уралсовета Николаем Гурьевичем Толмачевым я впервые встретился январским вечером 1918 года в Екатеринбургском Центральном штабе Красной гвардии. До этого мне часто приходилось слышать о нем и в деловых разговорах, и в спорах, и в беседах с товарищами.

Толмачев рисовался мне пожилым человеком, убеленным сединой, солидным. Поэтому, когда Павел Хохряков, представив меня молодому человеку моих лет в светлой офицерской

---

[1] Толмачев Николай Гурьевич (1895—1919) — видный политический работник Красной Армии, герой гражданской войны. По заданию партии работал на Урале. После Октябрьской революции был членом Уралсовета, помощником командующего Сибирско-Уральским фронтом, затем политическим комиссаром.

шинели, сказал: «А это Толмачев!» — я удивился, даже разочаровался.

— Ты расскажи Николаю Гурьевичу,— предложил Хохряков,— как идет на вокзале разоружение казачьих эшелонов...

Мы с Толмачевым прошли в соседнюю комнату, где находилось несколько человек из нашего матросского отряда. Огромный Фома Гуня налил нам по кружке кипятку и отрезал по ломтю ржаного хлеба.

Я начал рассказывать. Обычно о движении эшелонов мы узнавали заранее и готовились к встрече. Цепь красногвардейцев с пулеметами занимала исходные позиции на перроне, назначались парламентеры. Пропускать вооруженных казаков в южноуральские степи, в Сибирь и Забайкалье, где поднимали мятежи атаманы и офицеры, было опасно.

Переговоры о сдаче оружия проходили сравнительно спокойно. Однако случались и столкновения. Обычно портили нам дело офицеры.

Поэтому действовать надо было решительно и смело.

Малейшая ошибка обходилась дорого. На митингах, возникавших около вагонов, наши ораторы разъясняли казакам, что такое Советская власть, почему нужно сдать оружие, призывали трудовое казачество к укреплению новой власти, к борьбе с Дутовым и другими атаманами...

Мой рассказ прервал Семен Каторгин. Он принес известие о приближении нового казачьего эшелона.

— Когда казаки будут в Екатеринбурге?— поинтересовался Толмачев.

— Утром.

— Да... времени немного,— задумчиво произнес он и, быстро повернувшись ко мне, спросил: — Разоружать будете?

Я ответил утвердительно.

Толмачев еще раз прочитал донесение, а потом снова обратился ко мне:

— Выделите двух-трех человек... Я иду к Хохрякову за документами. С первым поездом выедем навстречу, постараемся облегчить вам разоружение.

Я стал возражать против такой опасной поездки. Офицеры могли восстановить рядовых казаков против Толмачева.

— Борьба с контрреволюцией для нас, коммунистов, была и будет сопряжена с опасностью,— сказал Толмачев, щуря близорукие глаза и накидывая на плечи шинель.— Но я не верю, чтобы все казачество шло против нас. Большинство из них — наши союзники. Вот с ними-то мы и побеседуем в пути, разъясним, кто им друг и кто враг...

Из Екатеринбургского Центрального штаба Красной гвардии послали распоряжение о том, чтобы замедлили движение казачьего эшелона. Этой же ночью навстречу ему без всяких остановок помчался паровоз с одной теплушкой. В ней ехал Толмачев с тремя матросами: Каторгиным, Матрениным и Балмашовым.

Ранним утром были на месте. Начальник станции, старик, узнав, что от него требуется, побледнел:

— Я не могу задержать эшелон... Казаки отправят меня на тот свет...

— А ты, борода, раньше смерти не помирай! Отвечай, что рельсы на путях ремонтируются или соседняя станция не принимает... и точка! — посоветовал ему Каторгин.

Казачий эшелон, сбавляя ход, медленно проходил в это время мимо вокзала. Толмачев и матросы вышли на перрон.

— Семен Васильевич! — обратился Толмачев к Каторгину, когда поезд остановился.— А чиновник в самом деле струсит, если казаки на него нажмут... Иди к машинисту, с ним договориться вернее.

Каторгин отправился исполнять приказание. С машинистом он быстро нашел общий язык, угостился махоркой и поспешил к своим товарищам.

Около одной теплушки толпились казаки. Из открытых дверей слышался голос Толмачева. Обогнав Каторгина, к теплушке подбежал худощавый офицер в черной мохнатой папахе.

— Посторонние, оставить эшелон!.. Митинги и собрания запрещены! — закричал он.

В дверях показался Толмачев.

— Здесь вашего разрешения никто не спрашивает... Вы проезжаете по территории Урала, а мы — представители Уралсовета и уполномочены побеседовать с казаками.

Поднялся шум. Одни казаки требовали отправить эшелон, другие — провести митинг. Офицеры приказывали с боем прорваться через Екатеринбург.

Толпа все прибывала.

Толмачев, посоветовавшись со стоявшими рядом матросами, обратился к собравшимся:

— Товарищи казаки! Митинг проведем на следующей станции, а пока идите по вагонам...

Толмачев и матросы решили разойтись по теплушкам и заняться агитацией среди казаков. Каторгин побежал известить машиниста об отправке эшелона...

Вагон, где ехал Толмачев, был переполнен. Обе стороны задавали друг другу вопросы. Большинство казаков было согласно добровольно сдать оружие. С несогласными предстояла борьба на митинге.

— Братцы-станишники,— сказал пожилой казак,— зачем вам винтовки? Ей-богу надоела война и смертоубийство... Скорей хочется до семьи добраться! Те, которые не хотят отдавать оружие, пускай покинут эшелон. Ведь с винтовкой нас, братцы, не пропустят.

— Правильно, Юрков! — поддержал его другой казак.— Сдадим оружие и попросим фуража для коней. Отощали кони, а они нам в хозяйстве нужны.

Подобные разговоры шли и в других вагонах.

Когда на следующей станции Толмачев и матросы вышли из теплушек, трубач уже играл сбор на митинг. Подходили казаки, офицеры.

Из ящиков соорудили небольшой помост. На него поднялся Толмачев. Не спеша он начал говорить о муках, перенесенных казаками на фронтах во имя чужих интересов.

— Товарищи казаки! — обращался он к толпе.— Вашими же руками атаманы и офицеры хотят уничтожить вашу же

власть там, у вас на родине. Они хотят лишить трудовое казачество тех прав, какие им дала Октябрьская социалистическая революция...

Едва Толмачев кончил, как худощавый офицер в черной мохнатой папахе оказался на ящиках и стал орать, что нечего слушать «изменников-большевиков». Но дюжие руки тут же стащили его с самодельной трибуны. С перекошенным от гнева лицом офицер выхватил револьвер.

— Сволочи! Родину продали!

Кто-то ударил его по руке, кто-то сбил папаху.

На ящиках уже стоял казак Юрков.

— Станишники,— предложил он,— господина есаула, который обозвал всех нас, надо арестовать и передать местному Совету...

Гул одобрения прошел по толпе.

В тот же день на Екатеринбургском вокзале мы встречали эшелон. На этот раз сдача оружия прошла без всяких затруднений.

— Эти казаки,— говорил нам Николай Гурьевич,— теперь уже красные казаки. Они у себя дома будут агитировать за советы и защищать их... Это небольшой, но крепкий бронированный кулак для сокрушения внутренней контрреволюции...

На помощь трудящимся Южного Урала из Екатеринбурга было отправлено несколько рабочих дружин. Руководил ими объединенный штаб, комиссаром которого Уралсовет назначил Толмачева. Весь отряд балтийских матросов влился в одну из дружин.

В конце февраля мы прибыли в степной городок Троицк. Вокруг него на сотни верст раскинулись казачьи станицы, в которых дутовские офицеры развернули бешеную агитацию. Часто ночью дружинникам и матросам приходилось подниматься по тревоге: к городским заставам пробирались вражеские авангарды [1].

Помню, на совещании в объединенном штабе Николай Гурьевич Толмачев сказал:

---

[1] Авангарды — передовые части войск.

— Мы должны немедленно нанести контрудар противнику: составить воззвание к тому трудовому казачеству, которое все еще колеблется. Надо рассказать, кто такой Дутов, доставить в станицы наши лозунги, статьи, брошюры. Это же первостепенное оружие Советской власти...

На другой день я зашел в Троицкий Совет. Толмачев прощался с какими-то людьми в полуказачьей одежде.

— Это ходоки из станиц,— сказал он, когда мы остались одни,— хотят узнать правду. Еду сегодня в Солянку проводить собрание у казаков.

Меня это озадачило. Выезжать в степь, где шныряли конные разъезды дутовцев, было опасно. Я предложил Толмачеву в помощь матросский отряд.

— Вот этого делать совершенно не нужно,— улыбнулся Николай Гурьевич.— Со мной будут два человека. Этого достаточно. Главное наше оружие — большевистская правда. Она оборонит от всех врагов.

О поездке Толмачева узнал командир верх-исетской дружины Петр Захарович Ермаков. Он приказал немедленно выделить усиленную охрану для комиссара. Но Толмачев уже уехал, и отряд во главе с Семеном Каторгиным, вооружившись двумя пулеметами, поскакал следом за ним.

В Троицк Каторгин возвратился поздно вечером. От него я и услышал подробности всей экспедиции. Когда в Солянке, около церкви, Толмачев организовал митинг, неожиданно появился разъезд дутовцев. Никто из них и не подозревал, что оратор — комиссар. Дутовцев заинтересовало выступление, и кое-кто из них даже стал задавать Толмачеву вопросы. Это не понравилось старшему разъезда, хорунжему. Он приказал арестовать оратора. Среди жителей Солянки поднялся шум. Начали протестовать и некоторые дутовцы. В это время к церкви на полном скаку вылетел отряд Каторгина. Казаки перепугались, но Толмачев успокоил их:

— Не бойтесь, товарищи! Вас никто не тронет. Разъезжайтесь по своим хуторам и расскажите все, что от меня слышали.

А через неделю в той же Солянке озверевшие офицеры-ду-

товцы зарубили шашками члена Троицкого Совета. Но, как ни зверствовали дутовцы, как ни запугивали людей, слова большевистской правды доходили до казаков. Силы Дутова быстро таяли. К нам ежедневно прибывали добровольцы, иногда даже на собственных конях. Среди них был юноша-казак, с нежным лицом девушки. Начхоз нашего отряда выдал ему ржавый «смит-вессон». Казак робко попросил новый наган.

— Рылом не вышел! — обрезал начхоз.

Юноша рассказал про свою обиду товарищам, а те передали все Толмачеву.

Николай Гурьевич вызвал к себе начхоза.

— Если к вам придет человек помогать рубить дрова, то какой вы ему дадите топор, новый, острый, или тупой, старый?

Начхоз покраснел.

— Идите сейчас же к добровольцу, — продолжал Толмачев,— извинитесь перед ним и выдайте наган...

Вскоре нам пришлось расстаться с мужественным комиссаром: его отозвали в Екатеринбург.

Через год мы узнали, что он пал в неравном бою с белогвардейцами под Петроградом, у деревни Красные Горы.

Батальон 34-го стрелкового полка, не выдержав натиска врага, в беспорядке, сея вокруг панику, отступал. Когда об этом доложили Толмачеву, он тут же выехал навстречу батальону и, повернув назад красноармейцев, возглавил атаку. Но слишком неравные были силы: к белогвардейцам подошли резервы. Остатки роты, в которой находился Толмачев, оказались прижатыми к озеру. Кончались патроны, но бойцы продолжали яростно драться штыками.

Истекая кровью, тяжело раненный Толмачев упал на берег. В этот момент он увидел, что командир роты, бывший офицер, бросил оружие и с поднятыми руками пошел в сторону наступающего врага.

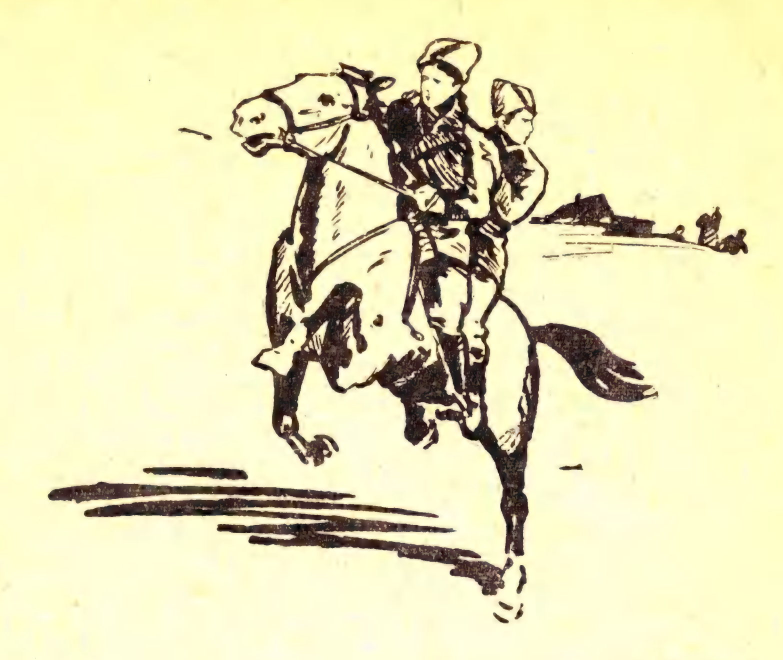
Толмачев выстрелил из нагана в предателя, а последнюю пулю оставил себе. В бессильной злобе белогвардейцы кололи штыками бездыханное тело молодого комиссара.

Так окончил свой славный жизненный путь двадцатичеты-

рехлетний Николай Гурьевич Толмачев, член Коммунистической партии с 1914 года, особоуполномоченный Реввоенсовета седьмой армии.

«Мне дорог Петроград, давший мне первые уроки массовой революционной тактики,— писал он незадолго до смерти,— но я уралец, я сроднился с Уралом, и мне жаль покидать родной, залитый кровью близких друзей и товарищей Урал».

Орлята

В начале августа 1918 года наш небольшой отряд оказался в глубоком вражеском тылу. Несколько раз контрразведка белых пыталась нас уничтожить, но мы благополучно отбивались и скрывались в густых лесах Южного Урала.

Местные белогвардейские власти встревожились не на шутку, и из Уфы спешно направилась новая карательная экспедиция, так называемая «Волчья сотня» под командой есаула Андронникова.

Весть о «Волчьей сотне» в отряд принес деревенский паренек. Он, минуя сторожевые охранения белых, пробрался к нам.

В тот день я только что собирался вздремнуть, как меня окликнул Семен Каторгин.

— У нас гость,— быстро заговорил он.— Гришуком зовут. Отца его в Уфе беляки расстреляли, мать умерла. Парень жил

у тетки в селе. Три дня тому назад в село заявилась «Волчья сотня». Гришук не стерпел — и сюда. Пойдем, посмотришь.

Мы направились к походной кухне. Около нее, среди бойцов, на поляне сидел босой белокурый парнишка лет шестнадцати и жадно ел кашу, едва успевая отвечать на многочисленные вопросы. Одет он был в полинялую ситцевую, с заплатами на локтях, рубаху, заправленную в старые штаны.

Гришук остался в отряде. Начальник штаба Извеков сделал его своим порученцем [1], а потом стал посылать на задания с разведчиками.

Узнав о приближении «Волчьей сотни», мы заняли выгодные позиции. Казаки не заставили себя долго ждать. С обнаженными шашками они стремительно атаковали отряд, но пулеметным огнем были смяты и откинуты. Красные конники бросились преследовать врага. У реки началась сабельная схватка. Разведчик Афанасий Лихой, нагнав офицера-чеченца, клинком сбил с него папаху. Офицер, дико взвизгнув, повернул коня и устремился на Лихого. Это было так неожиданно, что разведчик растерялся, растерялся на какую-то долю секунды. Над головой вспыхнула молния клинка. Еще мгновение, и... И в это время подоспел Гришук. Он налетел своим конем на офицерского дончака. Офицер вылетел из седла и был моментально обезоружен спешившимися конниками.

После боя Каторгин подошел к пленному и, показывая на Гришука, с усмешкой сказал:

— Хоть ты и джигит, а против этого паренька ты — мокрая курица!

Офицер промолчал. Что мог он ответить? Его оружие и коня мы тут же постановили отдать Гришуку.

В конце недели разведчики принесли командиру отряда полевую сумку, захваченную у белогвардейского полковника. В ней оказалось донесение о движении по Южному Уралу партизанской армии Блюхера. Теперь нам стало ясно, почему после разгрома «Волчьей сотни» белые меньше наседали на наш

---

[1] Порученец — выполняющий служебные поручения.

отряд: они, видимо, оттягивали все свои силы к Уфе, чтобы заслонить ее от блюхеровцев (правда, потом мы узнали, что взятие Уфы не входило в планы блюхеровцев).

Посовещавшись, мы решили пойти навстречу армии Блюхера и в ту же ночь двинулись на юг.

На второй или третий день пути начхоз Родион Фомич доложил командиру:

— Продуктов маловато. Остановиться надо. Хлеба напечь, сухарей посушить.

Командир согласился, и мы вошли в небольшую деревушку, возле которой, на лысом холме, крутилась старенькая ветряная мельница. Деревушка сразу же ожила: задымили трубы печей, заскрипели колодезные журавли, запахло свежим ржаным хлебом.

Мне зачем-то понадобился Семен Каторгин. Я направился к избе, которую он занял со своей командой. И еще издали увидел высокого широкоплечего друга. Перед ним стояла девушка лет семнадцати в старом ситцевом платьице.

— Девчат не принимаем! — гудел Каторгин.— Пугливые они...

Девушка сердито хмурилась.

— Я не из пугливых,— наконец сказала она.— И на лошадях ездить умею... Да и не на таких, как у вас! — и она показала на худую клячу, привязанную к плетню.

— Спиридон! — крикнул Каторгин своему помощнику, и глаза его задорно блеснули.— Приведи-ка сюда Вьюнка!

Вьюнок достался нам еще на дутовском фронте. Это был сильный и злобный жеребец. Даже самые отчаянные конники редко садились на него.

Спиридон вывел Вьюнка из конюшни. Жеребец прижал уши и, кося глазами, смотрел на нас.

— Садись! — шутливо предложил Каторгин девушке.

Та смело подошла к Вьюнку и стала тихонько гладить его. Жеребец скалил зубы, сердито долбил копытами сухую землю. Не успели мы опомниться, как девушка оказалась в седле. Вьюнок поднялся на дыбы, но лихая наездница крепко держа-

лась за поводья. Жеребец сделал скачок и лягнул ногами пространство. Девушка ударила коня нагайкой, которую ей бросил Спиридон. Решив, что просто так ему, видимо, не избавиться от седока, Вьюнок перепрыгнул через плетень и помчался к околице.

— Браты, да это же не девка, а орел! — крикнул восхищенно Каторгин.— Посмотрите, как скачет!

— Ей не впервой так скакать,— подойдя к нам, сказал рослый пожилой крестьянин.— Племянница она мне, Мариной звать. Отец у нее здорово на лошадях гонял. В германскую в Карпатах погиб.

Из переулка к избе, на крыльце которой стоял Каторгин, на полном скаку подлетела Марина. Осадив взмыленного Вьюнка, она весело крикнула:

— Запугать меня хотели? —и, ловко соскочив на землю, подбежала к Каторгину.— Принимай в отряд, чего канителишься? Не примете, тайком за вами пойду, а дома не останусь! Хочу с беляками воевать! Отец бы меня отпустил!

— Ладно, Марина! Голосуем за нее! — сказал Каторгин, обращаясь к нам.— Такая, пожалуй, перед врагом не сробеет. Как? Я, товарищи, за Марину.

На другой день отряд выступил из деревушки. Рядом с Гришуком скакала на Вьюнке Марина. В легких сапогах, в солдатских брюках и гимнастерке, в накинутом на плечи черном матросском бушлате она больше походила на мальчика-подростка, чем на девушку. Длинные темные косы были спрятаны под каракулевую офицерскую папаху, подаренную ей нашим начхозом Родионом Фомичом. Эту папаху начхоз долго хранил в мешке и на все запросы бойцов сердито отвечал:

— Не знаю, где... видать, потерял.

Теперь же папаха без всяких напоминаний с нашей стороны была торжественно вручена Марине.

В конце августа у станции Иглино армия Блюхера перешла Самаро-Златоустовскую железную дорогу. Мы узнали об этом из документов, изъятых у белоказачьего есаула. В документах, между прочим, говорилось и о нашем отряде. Враги разгадали

наш план и хотели помешать нам соединиться с Блюхером. Но мы шли осторожно, высылали вперед охранение, которое обычно возглавлял Афанасий Лихой. Марина и Гришук всегда были вместе с Афанасием.

Как-то эта «святая троица красных рубак» получила важное задание: привести в отряд «языка». Оставив коней в отряде, Лихой, Гришук и Марина добрались до леса и спрятались в молодом ельнике, откуда хорошо просматривалась узкая проселочная дорога.

Часов пять просидели они в скрадке. За это время мимо проехали только две крестьянские подводы, запряженные тощими лошаденками.

Лихой уже начал тихонько ругаться, как вдруг вдалеке послышался звон колокольчика.

— Беляки!

Лихой не ошибся. С пригорка неслась пролетка. В ней беззаботно развалились два офицера. Позади скакали верховые казаки.

— Конвой убрать! — приказал Лихой.— Гришук — левого, Марина — правого, а я сниму кучера. Пли!

Раздались три выстрела. Кучер выпустил вожжи и без звука слетел с облучка. Пролетка остановилась, два конвойных казака повернули коней и скрылись за пригорком.

— Эх, упустили! — кричал Лихой, выбегая на дорогу и разряжая им вслед целую обойму.

Гришук и Марина подскочили к пролетке и, направив карабины на офицеров, заставили их поднять руки.

— Галимка! — удивленно проговорил Гришук, рассматривая худого смуглого офицера с морщинистым злым лицом.

Галимку в отряде знали все. Это был уфимский контрразведчик, прославившийся своими зверствами.

— Связать им руки! — скомандовал Лихой.

Второй офицер безропотно вылез из пролетки и повернулся спиной к Гришуку. Тот быстро скрутил ему руки веревкой и уже затягивал узел, как вдруг Галимка, крикнув что-то, прыгнул на Лихого, заряжавшего карабин.

Упав на дорогу, партизан и офицер покатились в канаву. Лихой пытался освободиться от железных пальцев Галимки.

Гришук с побледневшим лицом проворно затянул веревку на руках своего пленника и бросился на помощь Лихому. Но Марина опередила его. Подскочив к дерущимся, она ударом приклада решила исход борьбы.

— Ну, братва! — хвастался Лихой.— С такими орлятами, как наши, не пропадешь. Второй раз из лап смерти вырвали. Что Гришук, что Марина — одна порода!

Когда офицеров допросили, то выяснилось, что они были посланы уфимской контрразведкой «наводить порядок» в южноуральских селах и деревнях, куда уже доходили слухи об армии Блюхера. В пролетке оказался целый мешок с листовками, в которых «всему населению предписывалось» угонять от блюхеровцев лошадей и скот в леса, уходить самим и прятать все продукты питания.

После допроса начальник штаба Извеков сел за старую, видавшую виды пишущую машинку и стал отстукивать «Воззвание к рабочим и крестьянам Уфимской губернии». В нем Извеков подробно рассказал о Блюхере и его армии и призывал не верить белогвардейской клевете и делать все возможное, чтобы помочь блюхеровцам.

Листовки поручили распространить Марине и Гришуку по окрестным селениям. Два дня мы не видели наших юных разведчиков. На третий начали беспокоиться. Лихой отправился к Извекову за разрешением ехать на поиски.

— Подожди,— ответил ему начальник штаба,— не торопись.

И он оказался прав: под вечер в отряд верхом на Вьюнке явились Гришук и Марина.

— Ура-а! — встретил их Лихой.— Только где у тебя, Гришка, жеребец и оружие?

Гришук тут же рассказал нам, как он потерял трофейного коня и трофейное оружие.

Выполнив задание, разведчики возвращались в отряд. На пути им попалось село.

— Заедем, попьем молока,— предложил Гришук.

Марина согласилась, и через несколько минут они уже стучали в окно крайней избы.

Увидев вооруженных всадников с красными звездочками на шапках, хозяйка избы перепугалась.

— Ох, ребята, не попасть бы вам! В селе всю ночь белые стояли, человек двадцать,— сказала она.— Самогон пили, песни горланили. Под утро только ушли... Как бы вам здесь беды не было.

— Мы сейчас уедем,— ответил Гришук.— Выпьем молока, если угостишь, да и обратно.

Привязав коней к плетню, разведчики вошли в избу.

— Где у вас, бабуся, тут сходки собирают? — спросил Гришук, отпивая молоко из большой глиняной кружки.

— На площади, возле пожарного сарая... Наша улочка прямо туда и выходит.

— Ты, Марина, подожди меня! Я мигом! — и Гришук быстро вышел из избы.

Доскакав до пожарного сарая, он спрыгнул с коня и, вынув из кармана последнюю листовку, приклеил ее хлебным мякишем на самом видном месте. Вдруг за спиной Гришука послышалась пьяная ругань. Разведчик оглянулся. К нему спешили белогвардейцы.

— Попался, змей! — крикнул краснолицый унтер-офицер, хватая Гришука. Белобрысый солдат с силой ударил прикладом Гришиного коня. Тот встал на дыбы, шарахнулся в сторону, высоко задрав голову, поскакал по улице. Солдат весело заулюлюкал.

— Дурак! — рассвирепел краснолицый.— Зачем упустил!

Отвязав Вьюнка, Марина ждала Гришука. И вдруг мимо, по улице, промчался его испуганный конь. Не раздумывая, девушка кинулась в седло.

Солдаты вели разведчика к дому, что виднелся на противоположном конце площади.

— Будет тебе, кошкин сын, добрая баня! — хихикнул унтер-офицер.— Заговоришь ласково, заговоришь.

Неожиданно раздался конский топот. На площадь вылетел Вьюнок.

— Ложись! — пронзительно крикнула Марина, привстав на стременах и потрясая гранатой.— Ложись, а то взорву!

Беляки в испуге попадали на землю.

Гришук, воспользовавшись суматохой, вскочил на Вьюнка и ухватился за Марину. Девушка резко повернула коня и бросила гранату.

Солдаты замерли. Они ждали взрыва, но его так и не последовало: Марина не вставила в гранату запала, не было времени.

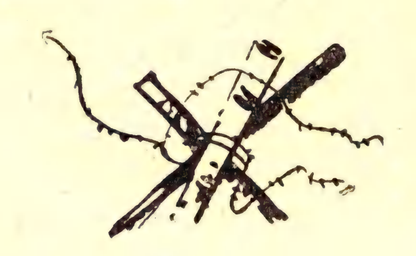
Когда враги опомнились, ребята уже скрылись за околицей.

— Эх ты, герой! — рассмеялся Каторгин, выслушав рассказ Гришука.— Ладно, жив остался. Марине спасибо скажи.

Гришук взглянул на Марину, и оба они, смутившись, покраснели.

— Милые вы мои, орлята! — с какой-то особой теплотой проговорил Каторгин.

Через несколько дней мы встретили передовые разъезды Блюхера. Наше скитание по белогвардейским тылам кончилось.

СОДЕРЖАНИЕ

Начальник Центрального штаба 3
Заговор офицеров 17
Мадьяр Иштван 26
Комиссар Толмачев 31
Орлята 39

Старостин Александр Семенович
Орлята

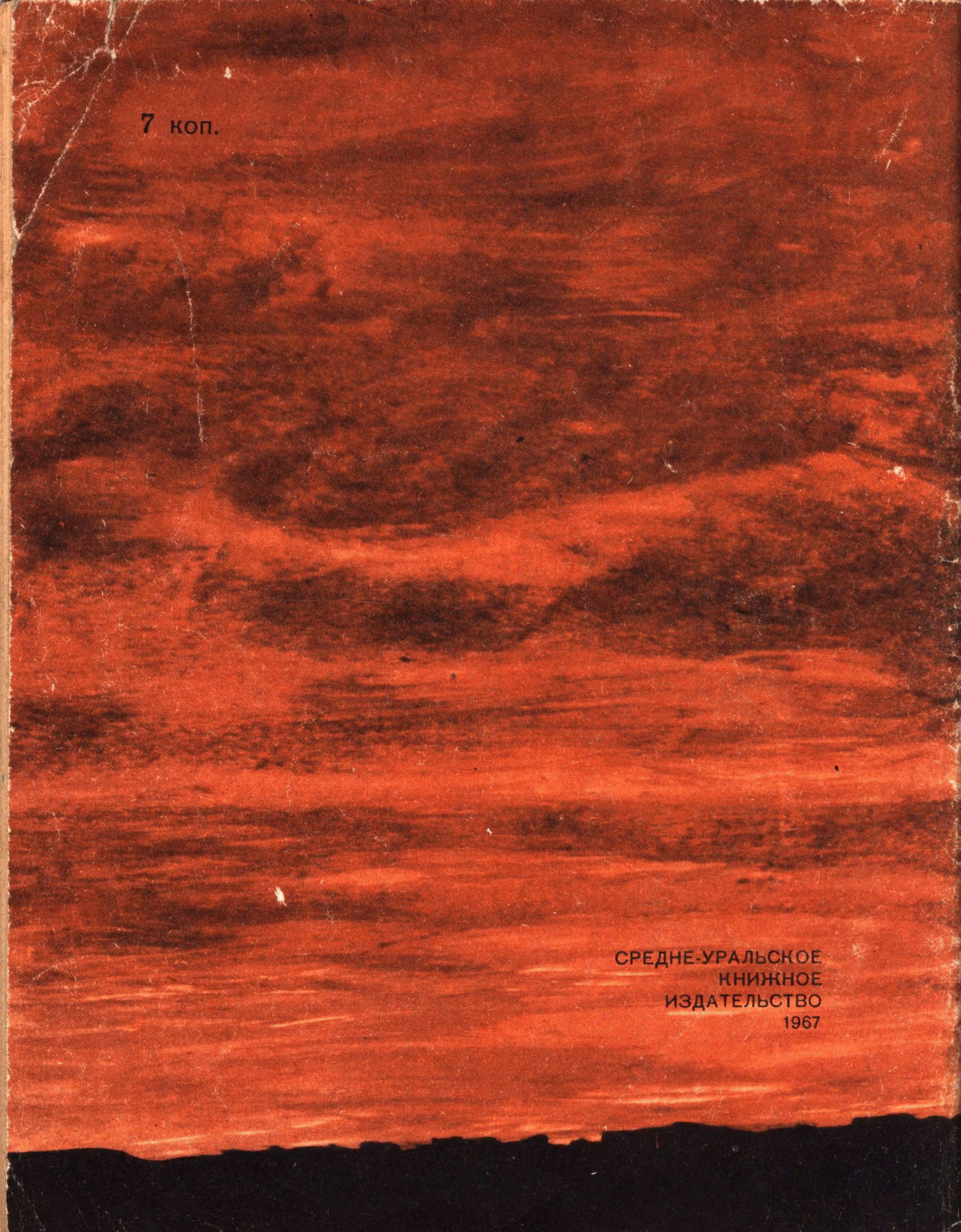
Художник **М. Заводчиков**
Редактор **Л. Чумакова**
Художественный редактор **Я. Чернихов**
Технический редактор **К. Проскурникова**
Корректор **Н. Трубникова**

Печатается по изданию: Средне-Уральское Книжное Издательство, 1964

Сдано в набор 22/V 1967 г. Подписано в печать 2/VIII 1967 г. Бумага 70×90/16
Усл. печ. л. 3,51. Уч.-изд. л. 2,24. Тираж 75.000. Заказ 271. Цена 7 коп.

Средне-Уральское Книжное Издательство, Свердловск, ул. Малышева, 24.
Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.

7 коп.
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1967